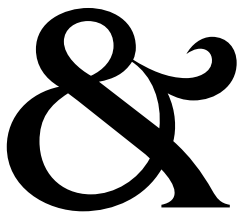

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Ольга БАСКОВА

Проклятое
ожерелье
Марии-Антуанетты

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б27

Оформление серии *С. Курбатова*

Дизайн обложки *Н. Кудри*

Баскова, Ольга.

Б27 Проклятое ожерелье Марии-Антуанетты :
[роман] / Ольга Баскова. — Москва : Эксмо,
2018. — 384 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-097679-9

Если верить старинной легенде, графиня де Ла Мотт, украшая драгоценное бриллиантовое ожерелье Марии-Антуанетты, не погибла в Англии, как утверждает историческая хроника, инсценировав свою смерть, она поселилась в Крыму, где и дожила до глубокой старости, сохранив в неприкосновенности бриллианты. Много позже на их поиски была послана группа сотрудников МГБ, но, по официальным данным, ожерелье графини так и не было найдено. Впрочем, тот, кто в наши дни одного за другим устраняет членов группы и их родственников, явно считает иначе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Баскова О., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-097679-9

ГЛАВА 1

Париж, 1785

В

один из морозных зимних дней богато одетая дама чинно вышла из подъезда одного из домов на беднейшей улице Парижа. Прохожим, кутавшимся в воротники пальто, странно было видеть эту женщину в мехах, с сияющими в маленьких ушах бриллиантами, и они смотрели на нее с нескрываемым удивлением. Незнакомка не замечала пристальных взглядов. Ее тонкие губы улыбались, голубые глаза сверкали. Судя по всему, она была счастлива. Сунув в муфту руки, в одной из которых она сжимала маленькую сумочку из черной кожи, женщина зашагала к экипажу, одиноко стоящему чуть в стороне. Сначала она не обратила никакого внимания на группу из трех оборванцев — подростков, которые шли за ней по пятам. Один из них перегнал женщину и перегородил ей дорогу:

— Тетя, дай монетку на хлебушек.

Дама вздрогнула:

— У меня ничего нет, мальчик. Ступай откуда пришел.

Два других присоединились к товарищу:

— Тетя, тетя, дай монетку!

Женщина испуганно озиралась по сторонам. Как назло, улица внезапно опустела.

— Тетя, а мы не верим, что у вас ничего нет, — заявил высокий и тощий как жердь подросток с белобрысым чубом. — Дайте свою сумочку.

Дама заметалась, как испуганная птица, но оборванцы, прижав ее к стене дома, вырвали из рук муфту вместе с сумочкой и растворились в сумерках.

«Там было сто луидоров», — крутилось в голове аристократки. Господи, зачем она взяла так много? Ведь она не собиралась жертвовать этой самозванке королевской крови большую сумму и не пожертвовала. Что же теперь делать? Она собралась с силами и двинулась к своему экипажу, который оставила за два квартала. Конечно, это была глупость. Глупо стыдиться благотворительности. Наверное, за это ее и наказали высшие силы.

Разумеется, она не видела, как трое ее обидчиков, подождя, пока экипаж скрылся из виду, вынырнули из темноты, направились к тому подъезду, из которого вышла их жертва, поднялись по обшарпанной лестнице на второй этаж и постучали в дверь. Она сразу открылась, и в темном коридоре показалась фигура в белом халате.

— Вот. — Самый высокий протянул кошелек. Тонкая изящная рука открыла его и дала по золотому каждому из мальчиков.

— Надо бы прибавить, — сказал белобрысый.

— Обойдетесь. Для вас это целое состояние, — шепотом проговорила хозяйка квартиры. — Возможно, завтра нам так же повезет.

— Хотелось бы, — прогнусавил самый маленький. — Ладно, хозяйка, мы на стreme. Сегодня, наверное, уже никто не придет, а завтра с утра встанем на вахту.

— Да пораньше, — напутствовала их женщина. — Не провороньте свое счастье.

Кивнув на прощание, мальчишки ушли, тихо переговариваясь о барышах, которые удалось заработать за день. Такая работа им нравилась. Главное — осторожность. Не дай бог, они попадутся на глаза какой-нибудь ограбленной ими дамочке и она натравит на них полицию. Но для того, чтобы жертва причинила им неприятности, она прежде должна узнать своих обидчиков. А это не такое легкое дело. Тысячи

оборванцев, похожих на этих мальчишек как две капли воды, бродили по Парижу в поисках наживы. На всякий случай завтра они облачатся в другие лохмотья и сильнее обмажутся грязью. Как говорится, береженого бог бережет. Радость от заработанных денег была через край, и парни выражали ее криками и гиканьем.

В тот момент они не думали о женщине, предоставившей им такой заработок, и не подозревали, что она была не менее счастлива. Подумать только, пять самых богатых дам Парижа, сами того не зная, подарили ей свои кошельки. Еще немного — и можно обзавестись драгоценностями, красивыми платьями и экипажем, а потом просить кредит у банкиров. Однажды один человек из высшего общества сказал, что кредиты охотнее выдаются тем, кто приезжает в собственных экипажах. Что ж, он был совершенно прав.

Дивногорск, 2017

Юля проснулась от громкого чириканья воробьев на подоконнике и, открыв глаза, сразу зажмурила. Яркий, прямой, как линейка, луч солнца, просочившись между красными, как густой томатный сок, занавесками с белыми полосками, упал на ее овальное лицо с маленьким вздернутым носом, покрытым едва заметными веснушками, чуть тронул пухлые губы, особенно верхнюю, слегка загнутую (за такие многие платят пластическим хирургам большие деньги), пощекотал высокие скулы, пушистые темные брови, переместился на волосы цвета спелой ржи и остановился на длинных ресницах.

— Дай мне поспать, — прошептала девушка, закрываясь ладошкой, но бродяга-луч упорно не хотел оставлять ее, ослепляя и заставляя встать, словно говоря: «Уже много времени, лежебока. И дел, кстати, сегодня у тебя много». Улыбнувшись, Юля вскочила и бросила взгляд на часы с кукушкой, гордость покойной бабушки. Кукушка давно не куковала, превратившись в дряхлого инвалида.

Еще недавно она вылезала из гнезда, чтобы издать хриплые звуки и со скрипом исчезнуть, однако вот уже год у нее не хватало сил сделать даже это. Что случилось с механизмом и можно ли починить часы, Юлю не интересовало. Даже если мастер вынесет им смертный приговор, они все равно останутся висеть на стене, не гармонируя с современными моющимися обоями — в память о любимой бабушке. Да и дед никогда бы не позволил снять их и бросить на антресоли, где уже валялось много всякой всячины.

— Господи, уже половина девятого! — Юля схватилась за голову. — А мне еще нужно сбегать в церковь, освятить пасочки и отвезти их дедушке на дачу. Да и Сергей обещал подъехать к десяти. Хорошо, что сегодня солнечно. До чего надоел противный дождь!

А дождь действительно надоел не только ей, но и всему городу. Он лил, не переставая, ночь за ночью, день за днем, превращая городские парки в болота, бесконечно рисуя на оконных стеклах узоры, похожие на дождевых червей.

Облачившись в короткий махровый халатик, выгодно подчеркивающий красивую фигуру — узкие бедра, широкие плечи, рост почти модельный — метр семьдесят с лишним, девушка бросилась в ванную. Заурчал душ, потом зашумела вода в умывальнике, и Юля вышла свеженькой, чистой до скрипа, расчесывая влажные густые волосы.

— Позавтракать уже не успею, — с сожалением сказала она, глотая слюну при виде аккуратных маленьких пасочек, покрытых белой глазурью и посыпанных розовой присыпкой, напоминавшей пшеничную крупу. — Это ничего, дедушка напоит чаем.

Быстро сложив куличики в пакет, она надела черное с белым воротником платье (и Сергей, и дедушка считали, что оно очень ей идет). Золотистые волосы, выгодно оттеняемые черным, падали ей на плечи как естественное украшение. Накинула кожаную куртку, сунула ноги в туфли на высоком каблуке и, схватив сумочку из натуральной кожи, купленную на первую премию, полученную за ста-

тью о бывшем мэре и его окружении, выбежала на лестничную клетку. Юля обожала светлый праздник Пасхи, с колокольным звоном, суетой на улицах, запахом свежих куличей, наполнявшим подъезд, доносившимся почти из каждой квартиры. Когда-то и в ее квартире пахло ванилью и свежесдобитым тестом. Хлопотунья-бабушка каждый год делала куличи сама, морщась от магазинной выпечки, приносимой внучкой, как от зубной боли.

— О тебе же забочусь, — ласково говорила Юля, с сожалением наблюдая, как натруженные руки с коричневыми пятнами месят желтоватое тесто. — Тебе нужно отдыхать, сама на сердце жалуешься, а себе не изменяешь.

— Мне уже меняться поздно, — возражала бабушка. — Чувствую, что немного осталось, вот и хочу вас побаловать. Будешь обо мне вспоминать с теплотой.

— Ты и так много для меня сделала, — говорила Юля. — Вырастила... Отец и мама, сколько я помню, всегда были на работе.

— Труженики они, — улыбалась потемневшими губами бабушка. — И ты такая же труженица. Вот увидишь, пройдут годы, и ты своим внукам так же будешь печь пасочки.

Юля обнимала ее и уходила к себе, к своим книгам, а родной человек возился на кухне. Тогда девушка не воспринимала всерьез ее слова о скором уходе из жизни, но однажды бабушка не проснулась утром, и с ее смертью в их большой и дружной семье началась черная полоса. Через год от инфаркта скончалась мама, молодая, полная сил, удивительно красивая даже в пятьдесят, и отец, не выдержав, покончил с собой. Покончил с собой... Так говорили, однако дочь не верила. Папа был полковником полиции, сильным, волевым человеком, честным и неподкупным. Он знал, что после его ухода дочь останется со стариком дедом, его отцом, что он одинаково нужен обоим... Вот почему полковник не мог, не имел права их покинуть. Не мог — и точка. Так Юля и сказала старому другу отца, на-

чальнику полиции Георгию Ивановичу Колесову, однако он лишь сокрушенно покачал головой:

— В жизни бывает всякое, деточка. Наверное, его подкосила смерть твоей мамы. Сдали нервы — и шагнул в петлю. Такое бывает и с сильными людьми.

Юля горячо возражала, однако ее возражения никому не были интересны.

— Я все равно доберусь до истины, — сказала она себе, выходя из кабинета Георгия Ивановича. — Вот увидите.

— Вот увидите, — повторила она и сегодня, сбегая с лестницы и с удовольствием вдыхая запах ванили. — Я докажу.

Юля подумала, что сегодня можно подробно обсудить вопрос гибели отца со служившим в полиции и недавно получившим звание капитана Сергеем и дедушкой, бывшим офицером. Кстати, она собиралась поинтересоваться, в каких все-таки войсках служил Матвей Петрович. А то неудобно получается... Хвастается своим подругам дедом-полковником и даже не знает, где и как он проходил службу. По огромной фотографии, висевшей на стене в большой комнате, ничего не скажешь. Три звезды на погонах с двумя пролетами — точно полковник. И на этом кончаются все ее знания. Стыдоба какая... Бабушку о многом не успела расспросить, маму, отца... Путь хотя бы дед восполнит пробелы в ее знаниях о семье. Улыбнувшись своим мыслям, представив встречу с дедушкой, всегда радовавшимся ее приходу, она не заметила, как дошла до храма, в который любила ходить ее мать, — собора Святых Петра и Павла. От ступенек и вдоль ограды тянулась огромная очередь жаждущих освятить куличи и крашеные яйца. Старушки со счастливыми морщинистыми лицами, в белых платочках и темных юбках громко пели: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ...» Все ждали выхода батюшки, отца Сергия, довольно молодого, румяного, с излучавшими доброту глазами. Юля разложила на полиэтиленовом пакете свое пасхальное угощение и, когда показалось ше-

ствие, с удовольствием сунула одно яичко, ярко-розовое с крапинками, в корзинку мальчика-дьячка. Отец Сергей, с торжественной улыбкой напевая пасхальный канон, освящал и прихожан, и их корзины. Женщины подпевали. Величественная песня, казалось, взмывала ввысь и разливалась в небесной лазури необыкновенными серебристыми переливами. Девушка с удовольствием подставила голову, и батюшка окропил святой водой ее золотистые волосы. Ей показалось, что сразу исчезла усталость, накопленная за трудную трудовую неделю, на душе стало легко и радостно. Созвучно ее настроению, в сумке пением птиц разразился мобильный. Дисплей высветил имя — Сергей.

— Здравствуй, любимая, — раздался его чуть глуховатый голос. — Христос воскрес!

— Воистину воскрес, — отозвалась девушка. — Ты где?

— А ты? — в тон ей спросил мужчина. — Впрочем, погоди. Дай отгадаю. Ты святишь куличи.

— Недаром ты полицейский, — рассмеялась Юля. — Только что закончила.

— Тогда подъезжаю. — Он отключился, и девушка стала оглядываться по сторонам. Сергей жил неподалеку от собора, из его окна можно было увидеть огромные золотые купола, отливавшие на солнце каким-то особым цветом — от золотого до красновато-коричневого. И до полицейского управления было рукой подать, от храма два квартала. В общем, ему повезло — все под боком, даже любимая девушка. Увидев черный «Опель», Юля махнула рукой водителю и быстрым шагом направилась к нему. Капитан Сергей Плотников, как всегда в безукоризненно белой рубашке и коричневом кожаном пиджаке, восседал за рулем. Его красивое мужественное лицо озарилось улыбкой при виде любимой, стальные с золотыми крапинками глаза просветлели, разгладились две поперечные морщинки на широком лбу.

— Здравствуй. — Он выскочил из машины и помог Юле сесть на переднее сиденье рядом с собой. — Ты не поверишь, как я соскучился!

— Я тоже соскучилась, — рассмеялась девушка и чмокнула его в смуглую щеку, проведя пальцами по смоляно-черной шевелюре. — Странно, правда?

— Что же тут странного, если мы любим друг друга? — Молодой человек обнял ее, обдав запахом дорогого французского парфюма — он не жалел денег на хорошие вещи, а китайские подделки терпеть не мог. — Ну что, поехали обрадуем деда?

Юля достала телефон и взглянула на дисплей.

— Странно, что он еще не звонил, — удивилась она.

— Юленька, зачем ему звонить, если он и так знает, что ты приедешь? — успокоил ее Сергей. — Мы, мужчины, стараемся не тратить время на уточнение того, что и так ясно.

— Да, но обычно он звонит еще утром. — Самойлова бросила телефон в сумочку. — Ладно, наверное, ты прав. Вчера вечером мы обстоятельно обо всем поговорили. Поехали.

— Слушаю и повинуюсь. — Сергей взял под воображаемый козырек, и машина тронулась с места, сразу свернув на дорогу к дачному поселку. Вот уже много лет, еще до смерти сына и невестки, Матвей Петрович жил на даче, которую обустроил еще при бабушке. Добротный каменный дом в три комнаты, с верандой, увитой диким виноградом, на которой он по вечерам в теплые дни любил почаевничать, участок в пять соток, где что только не росло: и съедобное — помидоры, огурцы, баклажаны, кабачки, картофель, вишни, сливы, яблоки, виноград, клубника, малина; и несъедобное, но очень красивое: розы, тюльпаны, лилии, душистый горошек... Матвей Петрович никогда не отпускал внучку без огромного букета цветов. Весной это были тюльпаны, нарциссы, растрепанная белая и фиолетовая сирень, летом — садовые лилии с лепестками, обсыпанными желтой пылью, огромные красные розы с толстыми шипами и темно-зелеными глянцевыми листьями, осенью — другие розы, желтые с розовым, стройные гладиолусы, издававшие тонкий аромат французских духов. Когда

Юля оставалась ночевать, они с дедом жарили шашлыки на старом мангале, там же пекли картошку, яблоки, резали салат и с удовольствием съедали все на ухоженной веранде, выкрашенной в зеленый цвет и оплетенной, как паутиной, диким виноградом, в изобилии дававшим летом черные круглые плоды, которые, к сожалению, нельзя было есть. Зимой, с наступлением холодов, девушка звала деда пожить в квартире, однако он непременно отказывался.

— У тебя своя жизнь, Юла, — так он называл ее с младенчества — Юла — и все тут. Она привыкла и уже не представляла, что Матвей Петрович назовет ее как-то по-другому. — Я не хочу тебе мешать. А на даче мне очень хорошо. Ты даже не представляешь, как. В моем возрасте человек живет воспоминаниями. Я хожу по дорожкам и вспоминаю, как мы с твоей бабушкой сажали деревья, поливали цветы... Как ты бегала маленькая по грядкам, а мы любовались тобой. Нет, дорогая, это мой мир, и я не собираюсь его покидать. Что касается холодов... Печка меня прекрасно согревает.

Юля пыталась спорить, но в конце концов сдалась. Если деду там хорошо, пусть живет. Магазин рядом, даже импровизированный рыночек есть. Дачники несут туда свежие молочные продукты, птицу, яйца, фрукты и овощи. Многие приезжают из города, чтобы полакомиться парным молочком и сметанкой. Экологические продукты, как известно, продлевают жизнь. Наверное, потому дед в свои восемьдесят выглядел молодцом.

Думая о своем, она не заметила, как машина миновала пустой рынок. Наверное, продавцы еще не вернулись из церкви, построенной из простых, гладко отполированных березовых бревен и напоминавшей сказочный терем с красной крышей и маленьким, будто игрушечным куполом. Возле нее толпился народ, и Юля так, на всякий случай, поискала глазами деда. Он рассказывал, что бабушка в последние годы жизни сделала религиозной, регулярно посещала церковь и вычитывала вечерние и утренние

молитвы. Это казалось странным всем, кто ее знал, потому что Ксения Павловна в молодости слыла комсомолкой-активисткой. Матвей Петрович не разделял ее религиозных взглядов, однако храм иногда посещал, три раза в году точно. В толпе его не было, впрочем, если бабушка и заходил в церковь, то рано утром, так как после десяти ждал в гости внучку. Сергей свернул на дорогу, змейкой вившуюся между дачами, довольно разношерстными — от трехэтажных особняков до деревянных, почерневших от времени хаток, и притормозил возле домика из красного кирпича, огороженного забором из колючей проволоки. По привычке молодой человек посигналил, ожидая выхода старика, однако никто не торопился их встречать.

— Спит, что ли, Матвей Петрович? — удивленно проговорил полицейский, дотрагиваясь до прямого тонкого носа.

— Скорее телевизор смотрит и не слышит. — Юля, пытаюсь подавить волнение, выскочила из машины и рванула на себя калитку. Как всегда, она оказалась открытой. — Дедуля, мы приехали! Дедушка, ты где?

По каменным вычищенным плитам она подошла к веранде. На дубовом столе, покрытом белой, местами попорченной, исполосованной шрамами скатерти с красными маками стоял стакан с недопитым чаем. Закопченный старый ветеран-чайник уставился на нее своим коричневым боком, на блюдечке сох ломтик лимона. Вероятно, бабушка напал на какую-то интересную передачу и забыл почаевничать всласть. Такое за ним водилось.

— Дедушка! — Юля вошла в коридор. Здесь стояли несколько пар обуви, служившей Матвеем Петровичем для разных целей: в одной он вскапывал огород, в другой навещался в сельский магазин, в третьей шел к озеру ловить рыбу или за грибами.

— Дедушка! — повторила девушка чуть громче и удивилась. Что-то в доме было не так. Телевизор, верный друг дачника, не работал. Непривычная тишина (вовсе не та

доброжелательная, к которой она привыкла, нарушаемая лишь скрипом половиц, порывами ветра, дребезжанием оконной рамы) заставила сердце биться сильнее, выжала холодный пот. Самойлова вошла в комнату и споткнулась об опрокинутый стул.

— Да что же... — она недоговорила, проглотив слова, запнувшись, будто подавившись ими. В комнате, любовно убираемой стариком, царил полный разгром. Ящички старого серванта кто-то выдвинул до предела, разбросал их содержимое, и скромное бельишко Матвея Петровича валялось на полу. Полка из-под книг, которые он любил перечитывать, лежала возле окна. А сами книги небрежно разбросали по ковру. Разинутой пастью зияла открытая тумбочка. Девушка бросилась в соседнюю комнату, служившую старику спальней. На панцирной кровати кто-то скомкал одеяла и простыни, вспорол подушку. Пух белым снегом кружился по комнате, непрошеным гостем залезая в нос. Дедушка лежал у кровати, неловко подогнув большую ногу. На его посиневшем лице застыло выражение скорби и боли. Дыхание с хрипом вырывалось из едва вздымающейся груди. Белая рубашка, надеваемая только в торжественных случаях, пропиталась кровью. Юля зажмурилась и громко закричала. Сергей пулей влетел в спальню старика.

— Что случилось?

Не переставая кричать, Юля указала на Матвея Петровича. Капитан подскочил к нему, чертыхнулся сквозь зубы и прижал пальцы к худой смуглой шее старика. На его лице сначала отразилась досада и недоумение, а потом Сергей щелкнул пальцами.

— Жив. Звони в «Скорую», а я своих ребят вызову. Эх, у кого рука поднялась... — Выругавшись в сердцах, он достал из кармана мобильный и быстро набрал номер.

— Андрюха? Бери-ка нашу бригаду и скорее дуй в дачный кооператив «Бриз». Дед моей невесты, Матвей Петрович Самойлов... Короче, тяжело ранен. Нет, не огнестрел, пока сам не разберусь, что с ним делали. — Он бросил